

4. Древнетюркский словарь / редакторы : В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 677 с.
5. Журнальный мир. Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://журнальныймир.рф/content/drevnetyurkskiy-pamyatnik-v-chest-kyul-tegina-ritmicheskoy-perevod-viii-v-ne>. – Дата доступа : 07.01.2020.
6. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.
7. Налчаджян, А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / отв. редактор В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
9. Уфимцева, Н. В. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимодействия. Коллективная монография / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. В. Разумкова, А. А. Степанова / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Ярославль : Канцлер, 2017. – 240 с.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.htm 1. – Дата доступа : 07.01.2020.

R. N. Guseynova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: analsur@yandex.ru

The role of the endoethnonym and the national language in the self-determination of small ethnic groups

Key words: allatonin, endoetnonim, mother language, self-determination, the Crimean Tatar ethnic group.

The author of the article attempts to analyze the influence of the self-name of the people and their knowledge of the mother language on the formation of the ethnic group (on the example of the Crimean Tatar people). The study of the history of the ethnonym “Crimean Tatars”, the analysis of the current language situation of this community allows us to believe that the loss of the endo-ethnonym, as well as ignorance or partial knowledge of the national language, are not critical factors for the ethnic identity of the individual.

Г. Ю. Дзюбко

Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище
e-mail: dg108@mail.ru

УДК 82. 091

Концепты славянского мира в путевых письмах И. И. Срезневского

Ключевые слова: концепт, славянский мир, жанр путешествия, славянский менталитет, коннотации

В статье рассматриваются Путевые письма И. И. Срезневского как источник информации о славянском мире, позволяющий понять наиболее важные его концепты. Жанр путешествия, сочетающий в себе и документальные, и художественно-публицистические формы, объединенные образом рассказчика, способствует созданию более точной и одновременно яркой картины славянского мира, дают возможность осмысления классического наследия с позиций современного представления о феномене родного языка.

Рассмотрение языка не только как стройной упорядоченной знаковой системы, но и как явления культуры и менталитета народа – одно из перспективных направлений современной лингвистики. Язык – это вербальная сокровищница нации, это основа знаний того или иного народа о мире, об обществе в целом и отдельном человеке в частности, это опыт познания традиций народа и стереотипов о нем. Тесную взаимосвязь языка с историей и культурой народа, с одной стороны, с другой – важность понимания закономерностей исторического развития языка, необходимости обращения к изучению его истории подчеркивает Измаил Иванович Срезневский. Так, в книге «Мысли об истории русского языка» он пишет: «Народ и язык, один без другого, представлен быть не может. Оба вместе обуславливают иногда нераздельность свою в мысли одним названием: так и мы, русские, вместе с другими славянами искони соединили в одном слове «язык» понятие о говоре народном с понятием о самом народе» [5, 1]. Не вводя понятие «концепт», Срезневский по сути говорит именно о нём. В «Путевых заметках из славянских земель» учёный рисует концептуальную картину славянского мира. Жанр путешествия, органично сочетающий в себе и документальные, и художественно-публицистические формы, которые объединены образом рассказчика, способствует созданию более точной и одновременно яркой картины. Свободное повествование, свойственное данному жанру, включает подробный рассказ о маршруте, транспортных средствах, пейзажах, архитектуре и достопримечательностях городов и селений, интерьерах домов; этнографические наблюдения, диалоги, лица, рассказы, исповеди, сценки и многое, многое другое. Многообразие композиционных элементов объединяется основной задачей повествования: от внешних впечатлений – через оценку увиденного – к общечеловеческому выводу. Главную жанровую особенность путешествия отмечает И. А. Гончаров в предисловии к произведению «Фрегат «Паллада»: «Я ведь уже сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах». Жанр путешествия может быть реализован в самых различных формах: письма (К. Паустовский, «Письма с пути»), дневниковые записи (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»), очерки (Т. Хейердал, «Путешествие на Кон-Тики»), заметки (М. Поло, «Книга о разнообразии мира»), паломничество («Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное»), хождение (А. Никитин, «Хождение за три моря»).

Путевые письма И. И. Срезневского из трёхлетнего путешествия по славянским странам представляют собой классический образец писем путешественника и имеют самостоятельное историко-культурное и научное значение. Об этом можно судить по многообразию подходов к их анализу: «письма как научные записки, письма как отчёты обо всём, что увидел и узнал их автор, письма как общение с близким и любимым человеком» (О. С. Черепанова); история русско-словацких контактов (Л. П. Голикова); вклад И. И. Срезневского в развитие отечественного славяноведения (М. Ю. Досталь); познавательный аспект писем (А. А. Кожин) [3; 4] и др. В той или иной мере все исследователи характеризуют особенности изображения славянского мира И. И. Срезневским.

Характеристика славянского менталитета даётся двумя основными способами. Первый – традиционный для жанра путешествия – яркий, эмоциональный рассказ о людях, с которыми встречался, о местах, в которых побывал, сравнение «своего» с «чужим». При этом понятия, которые отмечает путешественник, о которых он размышляет, повторяются в русской культуре не единожды, что позволяет говорить об их концептуальности, ценностной значимости [1; 2].

Живые, яркие заметки о быте и обычаях автор часто прерывает короткими замечаниями о русских традициях и менталитете. Эти замечания настолько точны, что без труда находишь параллели, которые обязательны для концепта. Например, как любой

путешественник, Измаил Иванович прежде всего замечает гостеприимство хозяев и соотносит его с русскими обычаями. Вот строки из письма X, № 9 от 10 ноября 1839 г.: «И мечта уже рисуешь передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую вель я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей, рисуешь образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика...»¹ [6, 32] и далее – «... мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо» [6, 49]. В письме от 10 мая 1840 г. он подчёркивает: «Въ сѣмействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную, – и тутъ я не могъ не видѣть Славянской гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что» [6, 89]. А вот перекликающиеся с ними строки из повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»: «Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. <...> Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ <...> вечер в низенькой тёплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски изготовленного, бывает ... наградою».

Повторим, характеристика героев, изложение событий в жанре путешествия производится в сопоставлении и противопоставлении понятий «свой» и «чужой». Это понятно и легко объяснимо. Сам Измаил Иванович признаётся: «Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими» (письмо XXI, № 9 от 16 марта 1840 из Праги) [6, 75]. Поэтому такими родными кажутся мельчайшие приметы родного в дальних краях. Вот замечание, сделанное им 23 августа 1840 г. в Легнице: «... ещё я между Нѣмцами, ещё Лужичане-Венды далеко, – а уже всё напоминает Славянщину – и физиогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду» [6, 134]. Те же чувства испытывает и М. Ю. Лермонтов: «Просѣлочным путѣмъ люблю скакать в телеге / И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тень, / Встречать по сторонамъ, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальныхъ деревень. / Люблю дымокъ спалѣнной жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь жёлтой нивы / Чету белеющихъ берез. / С отрадой, многимъ незнакомой, / Я вижу полное гумно, / Избу, покрытую соломой, / С резными ставнями окно» («Родина»). В поэзии С. А. Есенина находим признание: «А сейчас, как глаза закрою, / Вижу только родительский дом. / <...> Держат липы в зелёныхъ лапахъ / Птичий гомонъ и щебетню. / Я любилъ этотъ домъ деревянный, / В брёвнахъ теплилась грозная морщъ» («Эта улица мне знакома...»); концептуальные образы: «низкий домъ с голубыми ставнями», «березь и цвѣть / да раkitникъ, кривой и безлистый» («Низкий домъ с голубыми ставнями...»), «липкимъ запахомъ веетъ полынь», «деревянные крылья окна» («Синий май. Заревая теплынь...»). В лирике Н. Рубцова – «низкий домъ с крапивой под оконцемъ» («Привет, Россія»).

Свойственный любому русскому конкретный образ родного дома чаще всего включён в образ прямо противоположный – бескрайней Россіи. Часто он создаётся через концепт дороги, пространства (или бездорожья). Напомним хрестоматийные строки из «Мёртвыхъ душъ»: «... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумалъ? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнем-гладнемъ разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябитъ тебе в очи»; и лермонтовское признание: «Но я люблю – за что, не знаю самъ – / Её степей холодное молчанье, / Её лесовъ безбрежныхъ колыханье, / Разливы рекъ её, подобные морямъ» («Родина»).

¹ Орфография и пунктуация автора во всех цитатах сохранены. Цитирование по Срезневский, И. И. Путевые письма из славянских земель. – СПб. : типография С.Н. Хедекова, 1895.

В письме XIV, № 2 из Берлина И. И. Срезневский так описывает начало своего заграничного путешествия: «И такъ, маменька, я за границей – за 750 вёрстъ отъ границы Русской, за 8000 вёрстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогой, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ъхавши такъ долго – и по времени – и по пространству – все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея; безпредѣльной, есть предѣлы» [6, 49]. Такой же образ безграничной, бескрайней отчизны узнаётся в есенинских «полях бессиянных» («Сорокоуст»). Размышляя о русском характере, интересную и похожую параллель проводит Д. С. Лихачев: «Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. <...> Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» («Заметки о русском»).

И. И. Срезневский трепетно отмечает каждую деталь, свидетельствующую об уважении к русским. Вот некоторые его замечания. «О Русскихъ тутъ имѣють понятие, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ рассказываютъ чудеса» (письмо от 25 июля 1840 года) [6, 123]. «Я не много подпилъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Руссъ, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ» (письмо от 29 июня из Брно) [6, 120]. «До сихъ поръ Сербы слышали о Русскихъ и видали ихъ, какъ воиновъ» (письмо от 11 октября 1840 г.) [6, 154]. «Офицеры учились въ Россіи ... Одежда совершенно Русская; ухватки тоже» (из Луковицы 17-го) [6, 258]. Итак, русские – воины, патриоты, богатыри со щедрою душой – этот образ можно легко найти в литературе разных веков и направлений. Вот утверждение Ксении Некрасовой «Из тетради 1944 – 1946 годов»: «Богато прекрасны мы, – в глазах у нас горизонты лежат, полуприкрытые тучами век...» («Русские»). «Но оставались всё же в армии Тушины, Коновницыны и Платоны Каратаевы – пишет в заключение «Заметок о русском» Д. С. Лихачев, – это когда войны были оборонительные или освобождать приходилось «братушек» – болгар и сербов. «Братушки» – слово это придумал народ, и придумал хорошо. Следовательно, меньше было в русском народе национального эгоизма, чем национальной широты и открытости». Его слова, как и утверждения Срезневского, перекликаются с лермонтовскими: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри – не вы. <...> / Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам... » – и отрывком из стихотворения Ю. Друниной: «Это было в Руси былинной, / В домотканый сермяжный век: / Новорожденного Дружиной / Светлоглазый отец нарѣк. / В этом имени – звон кольчуги, / В этом имени – храп коня, / В этом имени слышно: / «Други! / Я вас вынесу из огня!»» («Друня»).

Иногда Измаил Иванович мягко шутит, создаёт совсем гоголевские юмористические зарисовки. Вот в одном из писем он в буквальном смысле «воспроизводит» «Невский проспект»: «... я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. <...> Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и гризетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. » (письмо от 14 ноября). [6, 39]. Вот ассоциация с грибоедовским «смесь французского с нижегородским»: «2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмецки. Имя его Фрейндъ» [6, 87]. А вот упоминание о стереотипном восприятии: «Русскихъ тутъ знаютъ, и даже слова «водка» и «капуста» очень извѣстны» [6, 155].

Второй способ характеристики славянского менталитета – достаточно чёткое разграничение славян как европейцев и славян, бережно хранящих чисто славянские традиции, национальный язык. При этом Срезневский не только выделяет лучшие черты русских на фоне «славянства», но с радостью отмечает общие черты всего «славянско-

го племени» (интересно, что такой же приём использован и у других авторов. См, например, фрагмент о «братушках» из «Заметок о русском»). Невольно сопоставляются, например, фразы Измаила Ивановича в письме из Санкт-Петербурга: «Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигаль Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... » [6, 29] и из Берлина: «здѣсь погребень Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться» [6, 54].

В Письмах употребляются сочетания «славянское племя» (т. е. все славяне, славяне вообще) и «русские», «русский характер», «урождённый русский» и т. п., если автор говорит о русских как о конкретном народе. Например, он пишет: «видишь, какъ могущественно разширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ / врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Мадьяры, врѣзались, и разбросались клочками (IX. № 8 С. Пбургъ. 1-е Ноября 1839)» [6, 27 – 28].

В «Путевых письмах...» очевидно вырисовывается становление идеи объединения славянских народов. Срезневский употребляет как равнозначные следующие термины: «славянщина», «славянство»; «славяноцерковный язык» и язык «церковно-славянских писателей». Глубокое уважение культуры чужого народа, стремление понять его особенности чувствуется в каждом письме. Но «славяне – всюду славяне» [6, 234] – приходит к выводу Срезневский. С глубокой убежденностью он пишет: «Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ – Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки, – и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... <...> Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ» (письмо XVIII, № 6. Прага, 1840. 11/23 Февраля) [6, 67].

Отметим, что концептам свойственны узнаваемость, повторяемость, приблизительно одинаковая коннотативность. Поэтому образ славянского мира, созданный Измаилом Ивановичем, так легко сопоставляется с картинками, даже отдельными деталями в творчестве поэтов и писателей разных эпох. Поэтому Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель имеют не только значение первоисточника, они создают глубокую концептуальную картину славянского мира, дают возможность осмысления классического наследия с позиций современного представления о феномене родного языка.

Литература

1. Архипова, Е. В. Концептосфера научных текстов академика И. И. Срезневского (к 200-летию со дня рождения ученого) / Е. В. Архипова // Текст : проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного : Матер. V Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: Москва, филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 24 – 26 ноября 2011 г. – М. : МАКС Пресс, 2011. – С. 34–53.

2. Гуминский, В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе [Текст]: дис. ... канд. филолог. Наук / В. М. Гуминский. – М., 1979. – 184 с.

3. И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии : тенденции в науке, образовании и культуре : материалы Межд. науч.-практ. конф., посв. 195-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, 25 – 27 мая 2007 года / отв. ред. Г. А. Богатова, Н. И. Демидова; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2007. – 416 с.

4. И. И. Срезневский и современная славистика : наука и образование : сб. науч. тр. (по материалам Межд. науч.-практ. конф. «Славянские языки, письменность и культура», 27 – 29 мая 2002 г.) / Отв. ред. Г. А. Богатова, Е. В. Архипова; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2002. – 304 с.

5. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка : репринтное издание / И. И. Срезневский. – СПб. : типография В. С. Балашева, 1887. – 170 с.

6. Срезневский, И. И. Путевые письма из славянских земель / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография С. Н. Хедкова, 1895. – 385 с. (репринтное издание).

G. Yu. Dzyubko

Ryazan Higher Airborne Command School named after General of the Army
V. F. Margelov, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education
e-mail: dg108@mail.ru

Concepts of the Slavic World in Travelling Letters of I. I. Sreznevsky

Keywords: concept, Slavic world, travel genre, Slavic mentality, connotations

In article Travelling letters of I. I. Sreznevsky as the source of information on the Slavic world allowing to understand his most important concepts are considered. The travel genre combining both the documentary, and art and publicistic forms united by image of the storyteller promotes creation of more exact and at the same time bright picture of the Slavic world, they provide an opportunity to understand the classical heritage from the perspective of the modern view of the phenomenon of the native language.

Н. Л. Дружина

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: natalia.druzhina@mail.ru

УДК 81'37

Семантическое поле: теоретические концепции и методологические подходы

Ключевые слова: лингвистика, семантическое поле, системный подход, теоретическая концепция, методологический подход.

В статье рассматривается проблема исследования семантического поля в лингвистике; обоснована необходимость обращения к обширному лингвистическому наследию ученых, которые стояли у истоков теории поля в языкознании. Внимание к данной теории вызвано тем, что и сейчас, по происшествии многих десятилетий после ее возникновения, она является предметом для наблюдения, рефлексии, научной полемики.

Теория поля в лингвистике, появившаяся в 20–30-е годы прошлого века, с начала своего функционирования имела дискуссионный и неоднозначный характер, который сохранился до настоящего времени. Несмотря на разные подходы к трактовке понятия, большинство ученых придерживаются мнения, что семантическое поле – совокупность лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и единой коммуникативной функцией. Многие постулаты полевой методики полемичны, однако современные исследования подтверждают тот факт, что данная теория находится еще в стадии формирования, и окончательное ее место в развитии лингвистики еще предстоит понять.

Значительное расширение тематики и рамок полевых исследований, установление новых связей со многими науками о человеке – позитивный и прогрессивный процесс. Известный лингвист Е. С. Кубрякова полагает: «В разные эпохи, в разные исторические периоды существования человека язык изучался по-разному, и в поле зрения ученых оказывались разные функции языка, разные его ипостаси и особенности. В разных направлениях и школах язык как бы поворачивался к нам разными гранями. Все зависело